

PAPER

ТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РАССКАЗЕ Н. ДАВКАРАЕВА «ОДИН ИЗ МНОГИХ ДНЕЙ»

А. А. Аманова^{1,*}

¹канд. филол. наук., доцент, доцент кафедры русского языка и литературы, Каракалпакский государственный университет г. Нукус, Республика Каракалпакстан

* amanova145@gmail.com

Abstract

В данной статье рассматривается тема гражданской войны в рассказе Н. Давкараева, проблема развития каракалпакского рассказа 30–х годов XX века, становления литературы, ориентированной на новоевропейские художественные принципы в их специфическом советском варианте.

Key words: каракалпакский рассказ, гражданская война, тематика, констатация, европеизированная и русская лексика, образно-речевые средства.

Рассказ Н. Давкараева – «Один из многих дней» – посвящен начальным событиям нового исторического периода, событиям гражданской войны. Но нетерпеливому писателю тесно в каких бы то ни было хронологических рамках. Он непременно хочет сказать свое слово и о мрачном прошлом, и о трудной борьбе за светлое будущее, и о настоящем, которое, по мысли автора, постепенно замещает это будущее. В малом, частном он хочет видеть большое, всеобщее.

«Один из многих дней» был написан еще в 1926 году и опубликован в

1929-м. Это самое начало каракалпакской художественной прозы. И у нее уже глобальные претензии, в смысле проблематики, тематического разброса, совершенно нового для каракал-

паксов художественного языка. Характерна первая же фраза «Одного из многих дней»: «Когда мы, выйдя из аула, начали собираться, солнце, только поднимаясь, лучистым светом стало нагревать всю землю». [3, с. 65] Необычна вообще проза, необычно какое-то непонятное, сразу не разъясненное «мы» (читатель не знает заранее, о ком читает и от чьего лица ведется повествование) неизвестно еще, куда «мы» собираемся, и только лучистое солнце вполне привычно.

Далее выясняется, что «мы» — это дети, возвращающиеся после каникул из родного аула туда, где они учатся (это не уточнено, сказано только, что их «и русские, и казахи учат» – [с. 66]). Их отправляют на лодке. Напутствуя ребят, «чуть позади, закрыв лица, плачут две старухи»

Compiled on: January 4, 2026.

Copyright: ©2025 by the authors. Submitted to International Journal of Science and Technology for possible open access publication under the terms and conditions of the [Creative Commons Attribution \(CC BY\) 4.0 license](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

– показательно, что именно старухи и именно закрыв лица, то есть все-таки стесняясь выражения своих «отсталых» чувств. Кто-то их успокаивает:

«– Перестаньте, не плачьте! Если вам сын единственный, правительство лучше вас воспитает, если благополучно вернется, похоже на один день будет!» [с. 65]. В разговорной речи пропущено логическое звено: имеется в виду, что ничего страшного, даже если сын единственный (разумеется, дело не в том, что единственного легче воспитать). Вряд ли это сознательная имитация бесхитростной речи простого человека, скорее всего, сам писатель торопится чужими устами как-нибудь поскорее выразить свою мысль; точно так же атрибутом авторского сознания являются уверенность в том, что детьми занимается ни много ни мало «правительство» (это тот же «революционный» максимализм и глобализм). Провожаящие, кроме двух старух, никак не персонифицированы, но психологически достоверно, хотя и без каких-либо сложностей, обозначено состояние ребят: «При виде стоящих на берегу людей разные мечты какие только мысли не вызывают в памяти» – сказано пусть неловко, однако точно по сути; следующая фраза (о сидящих в лодке), содержащая и конкретную предметную деталь (в лодке, видимо, тесно), продолжает ту же мысль: «Каждый, сидя на своей одежде, смотрит вниз» [с. 65].

Столь естественное в данной ситуации молчание прерывает светловолосый рулевой, который просит ребят рассказать что-нибудь («Пусть покороче будет дорога»). Только один утомленный с виду «черный мальчик» откликается на просьбу и отвечает на задаваемые вопросы. Оказывается, это его запомнил рулевой в тот год, когда ребят отправляли на учебу: он тогда пытался убежать. «В то время я был дураком. Ничего не знал. Был сыном одного бедняка» [с. 66]. Использование мотивировки здесь еще не слишком искусное, вряд ли какой-либо мальчик мог, только что расставшись с родными, упомянуть своего отца так социологически обобщенно – в качестве «одного бедняка». Но потом писатель как бы поправляется, мальчик рассказывает целую историю (сдержанно, коротко): зимовали в городе, он посещал школу,

учитель Рахим потом приехал за ним, чтобы совсем забрать его на учебу, но пришлось это делать с милицией, поскольку родители его запугали: «не ходи, станешь русским, возьмут в солдаты» [с. 67] – неизвестно, что для этих темных людей страшнее («стать русским» – то есть, видимо, кафиром, перестать быть мусульманином, а уж в солдаты, понятно, легче попасть кафиру, чем неграмотному правому). Но на уровне этих живых сценок писатель не удерживается. Мальчик начинает морализировать: «Теперь как подумаем – в те дни, оказывается, но были такие глупые. Теперь знаем, что значить учеба. Теперь не только мы, но и вся молодежь поняла. В эти дни нет отбоя от желающих ехать на учебу» (мальчишка уверенно выступает от лица «всей молодежи»). – автор же от себя комментирует: «... так объяснив значение учебы, сидят вдвоем и хорошо так беседуют» [с. 67]. – забыв о том, что «мы» — это школьники и происходящие можно показывать с точки зрения одного из них (ничего «ребячьего» нет в этом комментарии). Можно, конечно, предположить, что «черный мальчик» так разговорился под влиянием проявлено к нему внимания со стороны взрослого небезразличного человека, но, пожалуй, это было бы усложнением намерений писателя, который озабочен прежде всего тем, чтобы прославить новую жизнь, несущую людям, в частности, свет учения.

Показаны, как летит по воде лодка, как работают гребцы, что происходит на берегу – в частности, до плывущих доносится «голос скота». Есть яркие пейзажные зарисовки, складывающиеся в картину наступающего лета. Так, «камни, раскачиваясь от дуновения, переливаясь различными оттенками, с музыкой, как будто склонились в знак уважения перед будущим счастьем» [с. 68].

Не совсем понятно, природное или человеческое «счастье» имеется в виду, поступление лета или грядущая учеба. Наверно, скорее все-таки второе, но возможность неоднозначной интерпретации не исключено, и это в данном случае достоинство. Вместе с тем упоминается доносящаяся до плывущих «чья-то гневная ругань на кого-то», к чему добавлено: «Слышно, как что-то матерят лодочники, которые борют-

ся с арканом и не могут заставить лодку идти против течения» [с. 69]. Это тоже достоинство; Н. Давкараев еще в свободе от неимоверного пуританства литературы будущего «зрелого» сталинизма.

Рассмотренная первая (меньшая) часть рассказа, безусловно, – лучшая его часть. К сожалению, начинающий писатель просто не мог ограничиться набором зарисовок и несколькими диалогами, ему необходимо было, чтобы в произведении происходило нечто весьма значительное. Потому возникает еще один персонаж – тоже из числа плывущих в лодке, сопровождающих детей, но привлекающий внимание кого-то из его товарищей, а значит, и читателя совершенно внезапно. Персонаж этот вводится невразумительной фразой: «Поговорив, спев, спустя некоторое время Аралбай расскажи что-нибудь сказал» [с. 69]. Каракалпакский литературный язык на тот момент еще не выработан, знаки препинания отсутствуют, совершенно неясно, обратился ли к кому-то какой-то Аралбай или кто-то неназванный обратился к какому-то Аралбаю. Лишь в конце произведения становится ясно, что верно последнее. Вплоть до финальных абзацев идет рассказ этого Аралбая. Впрочем, отчасти как бы объяснимо, почему именно его. Во-первых, ему есть что рассказать, он воевал с басмачами, даже командовал каким-то отрядом. Во-вторых, это человек обстоятельный и рассудительный: «Подумаю некоторое время, сняв с головы шапку, потеряв лоб, начал ...» [с. 69]. Следует подробное описание одного дня столкновений красноармейцев и идейных добровольцев с басмачами, чему посвящено семь страниц из 12-ти.

Это не «история», не «случай» с завязкой и развязкой, которые обычно свойственны литературным сюжетам. Н. Давкараев владеет сюжетом плохо. Его цель – непосредственно продемонстрировать, что новая счастливая жизнь потребовала трудной и опасной борьбы (и тем она, стало быть, ценнее). События в рассказе Аралбая механически пристыкованы друг к другу и вряд ли способны самим их развитием привлечь внимание слушателей (которым, правда, некуда деваться). Но писатель о слушателях просто забывает. Едва начавшись, рассказ об одном дне уже довлеет себе и со всем предыдущим

соотносится лишь благодаря заданной идеологической схеме – противопоставлению «новая жизнь – ее цена».

Начало рассказа героя дано в фольклорном стиле, отражающем скорее прямо от автора идущую «поэтизацию»: «Ушло спокойствие земли, не один раз, а несколько раз подвергшаяся набегу и разграблению земля Конград не могла вольно насладиться сверкающими небесными лучами цветущей Советской власти ...» [с. 69]. Именуя басмачей, рассказчик, разумеется, называет только верхушку: «... властвуя и высасывая кровь народа, бек, старший из баев, Кутлымурат-бий, Ибралы казы, Темиралы после установления Советской власти, сбегав в Кызыл кумы, спрятавшись в тугаях Куга, примкнув к туркменским басмачам, грабили землю» [там же]. Получается, что простые люди среди басмачей были разве только из числа известных своими разбойными традициями туркмен, но не из миролюбивых каракалпаков.

Показан бой с басмачами за неназванный город (что, конечно, чисто литературная уловка, особенно в «устном» повествовании), разные перипетии этого боя освещаются уже вполне бесхитростно. Характерно, что ни один персонаж, ни один герой не погибает: примитивный «оптимизм» будущей лакированной литературы в скрытом виде присутствует уже здесь. Впрочем, кроме рассказчика в этой «истории» сколько-нибудь заметное место занимает только один джигит – Полат, который неожиданно попадает в плен (как именно – не показано), сразу же там не погибает, потому что Кутлымурат-бий не дал его убить, сказав: «не убивайте этого глупца, из мусульманина ставшего кафиром, после того, как возьмем город, перед народом повешу» [с. 74-75]. – мотивировка достаточно убедительная, – а потом прикладом его собственной винтовки и вскочив не басмаческого коня. Рассказчик Аралбай не сообщает, как он узнал об этих обстоятельствах, а известны ему даже переживания, ожидающего виселицы Полата. Полат, естественно, предаётся горестным мыслям и стоит, сжав кулаки почему-то не связанных рук (в общем-то ясно почему: автор не придумал для него иного способа бежать, чем тот, которым лихой джигит воспользовался). После упоминания сжатых кула-

ков, обреченного без всякого перехода, сообщается «Когда стоящий возле него в карауле басмач проходил рядом, быстро выбил из его рук ружье ...» и т.д. [с. 75]. Оказывается, тупой басмач еще и гулял недостаточно далеко от несвященного пленника.

Столь же внезапно выпутывается из трудной ситуации рассказчик с другими товарищами. Басмачи их окружили в доме и дом подожгли. «Изнутри огонь, снаружи враги – очень растерялись. Подбежал к воротам и бросил гранату во двор. Сказав, сразу открыв ворота, скачите за мной, поскакал во двор. Басмачи и окружили ... Басмачей, оказывается, много. Наши джигиты бросились врассыпную» [с. 71]. Только сказал, что «очень растерялись», и тут же оказывается, что не очень, он во всяком случае. Столь же внезапной представлена и конечная победа. Хотя в произведении показан образец тактического искусства одного из красных командиров (эпизод с зарослями камыша, которые непременно надо захватить раньше басмачей), последовательной подготовки читателя к благополучному исходу отнюдь нет, читателю просто не положено испытывать какие-либо сомнения по такому поводу. После сообщения о возвращении, бежавшего из плена Полата сразу говорится: «Все вместе, после полудня, прогнали басмачей с канала «Айран» [с. 75]. Следуют некоторые подробности о том, как их гнали, и еще один любопытный эпизод. «В то время, когда мы гоним басмачей, стреляем, из одного маленького дома выходит дым. Послушали снаружи, слышны голоса разговаривающих туркмен» [там же]. Оказывается, двое, повесив ружья на стену, зажигают огонь под казаном. Врываются красные, представляют им свои ружья к груди, те бросаются к своим и, естественно, падают сраженные. Ни у самого героя-рассказчика, ни у его слушателей (о которых автор забыл) не возникает никаких вопросов: ни почему эти двое в безнадежной ситуации попытались сопротивляться (неужели туркменским басмачам честь дороже жизни? Или знали, что их ждет?), ни даже почему этих двоих в столь неподходящее время, когда все бегут и по ним стреляют, донял неодолимый голод и им вздумалось приготовить обед. автору и герою нужно, чтобы он убивал басмачей, он и убивает, не сомневаясь ни в чем и ни о чем не

задумываясь. Это только добавляет лучей к его геройскому венцу.

Заканчивая рассказ, Аралбай называет точную дату происходящего – 21 апреля 1923 года – и переходит к обобщению. В средневековом сознании, не только восточном, но и западном, часть непосредственно представляет или замещает целое [2, с. 90–93, 283], единичное непосредственно выражает общее или всеобщее. Безусловно, первые каракалпакские прозаики отнюдь не до конца преодолели сознание этого типа, да и государственный феодализм, именовавший себя социализмом, со своим классовым подходом не так уж далеко от него ушел. В восточных литературах на это наложилась вековая традиция морализаторства. Морализирует и Аралбай в «Одном из многих дней». Помимо прочего он сообщает следующее: «Каракалпакский народ до Октябрьской революции, не имевший ничего (ни имени, ни звания), сейчас благодаря тому, что Октябрьская революция дала равенство, достигает больших побед.» Большие победы, по словам героя, состоят в том, что «открыли несколько средних школ, открылось несколько курсов, несколько сот ребят учатся. Благодаря Октябрьской революции, достигнув равенства, в таких городах, как Ленинград, Москва, в других городах обучают, послав, сына» [с. 76]. Не забывает Аралбай ни развивающееся хлопководство, ни руководящую партию. Тут автор внезапно вспоминает слушателей Аралбая, но не ситуацию, в которой он их покинул (плывущих в лодке по бурной Амударье), и вместо показа их реакции сообщает: «Лодочники, сказав «попьём чаю», вышли во двор» (получается – из плывущих лодки). Не вспоминает автор и о первоначальном «мы», о плывущих в лодке ребятах, и завершает произведение от своего имени: «В тот день, когда исполнилось четыре года автономной области каракалпакского народа, я вспомнил слова Аралбая» [с. 77]. Надо ли это понимать так, что первый условный повествователь (один из «нас» — это был автор в первой юности? Возможно, но утверждать что-либо категорически нельзя, слишком много в этом неумелом, хотя и отмеченном искрами таланта рассказе несообразностей (в том числе в первой, лучшей половине: ребят почему-то увозят на учебу в начале лета, не сказано, по каким

водам плыла лодка, пока не достигла Амударьи).

Лучшие места в рассказе – независимые от идеологии. Это упоминавшиеся картины и такие, например, сравнения, несущие отпечаток национального своеобразия: «... лодочники готовят свои весла и шесты, как птицы, встряхивающие крылья перед полетом». «Сумасшедшая вода с ревом текущей Амударьи, как только лодка вошла в нее, понеслась, как храбрый заяц» (с. 65, 68).

Литература

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. – Москва: Советская Россия, 1979. – 318 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с.
3. Давкараев Н. Один из многих дней. Полн. собр. соч. Нукус, Каракалпакстан, 1970. Т.I. С.65 (подстрочный перевод здесь и в других неоговоренных случаях мой – А.А) Далее страницы этого издания указываются в тексте.
4. Нурмухамедов М.К. Довоенная каракалпакская проза. Нукус, Каракалпакское государственное издательство, 1959. 158 с.
5. Amanova A.A. Ideological and artistic features of karakalpak novel of 1930S. Science and education in Karakalpakstan. N 4/2(37). Нукус, 2023. ISSN 2181-9203